БОРОДИНСКАЯ БИТВА.

Человѣкъ двадцать дѣтей собрались въ богатомъ княжескомъ домѣ, праздновать имянины одного изъ сыновей хозяина. Имянинникъ этотъ, князекъ Казаргинъ, былъ бойкій, живой и находчивый мальчикъ, и этихъ качествъ въ немъ никто не оспаривалъ, но товарищи не жаловали его гордой самонадѣянности и желанія первенствовать во всемъ, какъ въ играхъ, такъ и въ урокахъ. Викторъ любилъ, чтобы прислуга величала его сіятельнымъ, а товарищи звали бы князь–Викторомъ; на просто: *Викторъ*, княжичъ не откликался и даже дулся. Въ числѣ гостей было нѣсколько нашихъ знакомцевъ: Сережа съ Алешей и Мишей, Володя, двоюродный братъ Ниночки, и Луи ея родной братецъ, и Коко со своимъ неразлучнымъ другомъ Ермошей Мизгиремъ. Маленькій хозяинъ выставилъ на показъ всѣ полученные имъ

подарки, и тѣшился непритворнымъ удивленіемъ дѣтей.

— Да это еще что, господа, это пустяки! а вотъ дядя, крестный отецъ мой, такъ тотъ подарилъ мнѣ сто шесть надѣловъ и двѣсти пятьдесятъ десятинъ земли въ Новгородской губерніи, — такъ ужь это будетъ: quelque chose! какъ говоритъ мой гувернеръ.

— Это что такое, сто шесть надѣловъ? спросилъ Миша.

— А это значить, что я далъ своей земли сто шести человѣкамъ, за которую, хочу, беру съ нихъ по 9 рублей въ годъ деньгами, хочу беру рабочими днями, въ которые они должны будутъ обработывать мою землю.

— Девятъ сотъ пятьдесятъ шесть рублей! воскликнулъ завистливо Мизгирь, который быстро считалъ въ умѣ. — Князь, — да неужели вамъ будутъ отдавать въ руки всѣ эти деньги?

— Разумѣется! важно отвѣчалъ князекъ, хотя никто этого такъ не разумѣлъ, ни родители его, ни даже онъ самъ; но мальчикъ любилъ повеличаться передъ

товарищами и сказалъ свое *разумѣется* на–махъ. — Впрочемъ, прибавилъ онъ ломаясь, — я еще не рѣшилъ этого дѣла: буду ли брать съ нихъ деньгами, или издѣльной платой; деньги хорошо, а пожалуй хозяйничать, распоряжаться самому, дать или не дать земли, — это быть можетъ еще лучше! Мужички придутъ, будутъ кланяться, просить меня, — ну, само собой разумѣется, господа, что я имъ всегда буду давать все, что имъ нужно.

— И также будешь имъ давать цѣловать свои руки, какъ прошлаго года въ деревнѣ? спросилъ кто–то изъ негодующихъ мальчиковъ.

Викторъ вспыхнулъ и молчалъ; отрицать того, чему есть свидѣтели, нельзя, но какъ нибудь вывернуться или чѣмъ нибудь извинить свою спѣсь, можно. — Да, сказалъ онъ, горячась, — посмотрѣлъ бы я, кто изъ васъ отвертѣлся бы отъ кучи бабъ и мужиковъ, которые такъ и хватаютъ васъ за руки!

— Ну, а вы, ваше сіятельство, какъ подставляли: обѣ ручки или одну? спросилъ возмущенный Володя.

— Ахъ, Володя, отстань пожалуйста! ты, не глядя ни на что, всегда радъ поссориться, сказалъ обиженный имянинникъ, считавшій себя на сегодняшній день внѣ всякой обиды и непріятности.

— Полноте, господа, мы сегодня въ гостяхъ у имянинника, будемъ лучше веселиться, сказали нѣкоторые.

— Ахъ да, давайте играть! закричалъ обрадовавшись маленькій Миша, а то ужь я жду, жду, не дождусь!

— Какъ же мы будемъ играть? спросилъ Викторъ.

— Пожалуйста въ медвѣдей, умильно прокричалъ Миша, — насъ здѣсь такъ много, такъ весело будетъ играть! И Миша наскоро повалилъ нѣсколько стульевъ на полъ, залѣзъ подъ нихъ и прокричалъ оттуда товарищамъ: это моя берлога, а я медвѣдь, а вы будете охотники; приходите съ рогатинами, топорами и ружьями, будете поднимать меня изъ берлоги, а я встану

вотъ какъ, и зареву по медвѣжьему, вотъ такъ: Миша заревѣлъ такъ громко, что французъ–гувернеръ вбѣжалъ изъ сосѣдней комнаты посмотрѣть, не случилось–ли чего съ дѣтьми.

— Messieurs, вы всѣ цѣлы? спросилъ онъ.

— Всѣ цѣлы, отвѣчали дѣти; медвѣдь еще не успѣлъ насъ искалѣчить!

— А гдѣ же вашъ медвѣдь? спросилъ французъ.

— Вотъ онъ! вотъ въ голубой рубашкѣ, это у насъ Миша медвѣдь.

Миша стоялъ красный, растрепанный и нѣсколько обиженный насмѣшливымъ взглядомъ молодаго француза, который охотно трунилъ, гдѣ могъ, надъ русскими дѣтьми и вообще надо всѣмъ русскимъ.

— Очень радъ, что вижу такое милое животное, сказалъ онъ, и поклонясь Мишѣ опять вышелъ.

Мальчики поняли насмѣшку и обидѣлись, а Володя, по обычаю своему, сказалъ что–то вслѣдъ французу, сказалъ

сгоряча болѣе того, чѣмъ позволительно говорить.

— Э, господа, да ну его, бросьте, пойдемте лучше играть! сказали тѣ, которые помоложе.

— Пожалуй, давайте играть, сказалъ Володя, — только скажи пожалуйста, Викторъ, твой французъ часто говоритъ тебѣ подобныя любезности?

— Вотъ еще, смѣетъ онъ! запальчиво отвѣтилъ хозяинъ.

— Такъ онъ это про насъ, про твоихъ гостей припасаетъ такіе гостинцы?

— Ахъ, да что это, Володя! кричали нѣкоторыя изъ дѣтей, скучавшія своимъ бездѣйствіемъ, — да отвяжись пожалуйста, что ты все задираешь! Господа, давайте же какъ нибудь играть; ну хоть въ войну! Будемъ–те играть въ древнюю Персидскую войну!

— Да, да, разъиграемъ Мараѳонскую битву, почти единодушно прокричали всѣ.

— Хорошо, сказалъ имянинникъ, — я согласенъ, я буду Мильтіадомъ, Сережа Аристидомъ, а ты, Володя, — Алкивіадомъ!

— Благодарю, только ты невѣрно хватилъ: Алкивіадомъ не былъ современникомъ Мильтіаду, сказалъ Володя.

— Ну, это все равно, отвѣтилъ хозяинъ, махнувъ рукой, — обойдемся и безъ него! — ты, Крюковъ, будешь Мардоніемъ, и станешь съ персами вонъ тамъ; а здѣсь, господа, продолжалъ Викторъ, указывая на уголъ залы, — здѣсь будетъ знаменитое болото, куда мы загонимъ персовъ.

Дѣти согласились, игра началась. Мильтіадъ съ крикомъ носился по залѣ со своими тысяцкими; дѣти хорошо знали про эту битву, они знали, что греческое войско состояло изъ десяти тысячъ, что у каждой тысячи былъ свой начальникъ, что всѣ десять тысяцкихъ добровольно признали старшимъ надъ собою Мильтіада. Вскорѣ персовъ загнали въ болото и загородили ихъ стульями, а благодарные греки срезали съ олеандроваго куста нѣсколько вѣтокъ, свили вѣнокъ, и поднесли его своему знаменитому полководцу. Викторъ торжествовалъ.

— Хотя не надолго, да быть первымъ, это очень весело, говорилъ онъ, расхаживая съ сподвижниками славы своей. А бѣдные персы молчали; они какъ будто совѣстились того, что имъ досталось представлять побѣжденныхъ.

— Что, господа, не представить–ли намъ въ лицахъ славную нашу Бородинскую битву? предложили расходившіеся воины.

— Отлично, отлично! зашумѣли персы и греки.

— Отлично, замѣтилъ Мильтіадъ, потомъ прибавилъ, какъ вещь рѣшеную: — а я буду Кутузовымъ.

Самоуправство это не очень понравилось товарищамъ, они было возроптали, но льстецъ Мизгирь громко сказалъ, подталкивая Коко, чтобы тотъ помогалъ ему кричать:

— Господа, вѣдь онъ имянинникъ, да къ тому же онъ одинъ между нами князь!

— Ну конечно, вѣдь онъ имянинникъ, крикнулъ Коко; къ Коко пристало еще нѣсколько дѣтей и всѣ рѣшили, чтобы ради своихъ имянинъ, Викторъ былъ

Кутузовымъ. Послѣдняго же глупаго довода Мизгиря никто не слыхалъ, кромѣ самого Виктора, который стоялъ неподалеку отъ него.

— А ты, Володя, будь Наполеономъ, великодушно рѣшилъ Викторъ.

— Нѣтъ, спасибо! гордо отвѣтилъ Володя, — я русскій, и хочу лучше быть нашимъ послѣднимъ солдатомъ, чѣмъ чужимъ императоромъ.

— Ухъ, какой гордый, сказалъ Викторъ, — а еще меня бранитъ!

— Я тебя браню не за гордость, отвѣчалъ тотъ, — а за спѣсь, — это двѣ вещи разныя: гордость можетъ быть благородна, а спѣсь всегда глупа!

— Что же глупаго въ томъ, что предки мои Рюриковичи? сказалъ Викторъ, надменно посматривая на товарищей.

— Да перестаньте, господа, вѣдь это наконецъ скучно, сказали дѣти, а кто-то еще съ досадою прибавилъ: — ужь, гдѣ Володя Муромскій замѣшается, тамъ дѣло не обойдется безъ ссоры!

Къ сожалѣнію, это была правда; Володя былъ мальчикъ бойкій, правдивый, но черезчуръ ретивый; за правду и за должное, по своимъ убѣжденіямъ, онъ шелъ на бой со всякимъ, мялъ и разорялъ все, не щадя ни себя, ни другихъ, и ему не разъ доставалось за слишкомъ горячія выходки. — «Неладно, братъ, говаривалъ отецъ его; правда — вещь добрая, но ты носишься съ нею, какъ съ рогатиной, и тычешь ею вправо и влѣво; коли желаешь добра, такъ вводи его тихо, убѣжденіемъ и примѣромъ, а не бранью!» Но тихая, разумная рѣчь, не всякому подъ силу, а подавно горячему, заносчивому Володѣ. Тихо и спокойно говорить онъ не умѣлъ, а начиналъ насмѣшкой и почти всегда оканчивалъ ссорой.

— Такъ что же, господа, играемъ что ли въ Бородино?

— Да! Да! — закричали всѣ дѣти.

Первый голосъ продолжалъ: — Князь Викторъ будетъ Кутузовъ, а я Барклай.... Я Милорадовичь! Я Ермоловъ! Дохтуровъ!

Багратіон, Кутайсовъ, Барклай де Толли! раздавались дѣтскіе голоса по залѣ.

— Неправда, я Барклай! крикнулъ прежній голосъ.

— Нѣтъ, братъ, ужь извини: этого я тебѣ не уступлю! Папа говорить, Барклай былъ не хуже Кутузова. Я самъ хочу быть Барклаемъ, великодушнымъ и скромнымъ Барклаемъ! кричалъ горячась черноглазый мальчикъ.

— Да, какъ не такъ, что я за оселъ, чтобы уступить тебѣ, вѣдь ты не имянинникъ! кричалъ второй Барклай, который ничуть не уступалъ и горячился, и дѣло доходило до толчковъ.

— Господа, просилъ Сережа, — лучше всего, бросимъ напередъ жребій, кому быть русской армией, — кому французской! Сережа предвидѣль, что изъ–за народности выйдутъ большія ссоры.

Написали записочки, съ жаромъ расхватали ихъ, прочитали — пошелъ дымъ коромысломъ: всѣ французы отрекаются: тотъ не хочетъ, другой не согласенъ, а въ Наполеоны подавно никто нейдетъ.

— Да берите Луи, онъ французъ! кричитъ Алеша — пусть его будетъ Наполеономъ!

— Пусть! отвѣчаетъ Сережа, — но Наполеону нельзя же быть безъ арміи, нужны солдаты; а пуще того, нужно и въ игрѣ быть честнымъ, чинно прибавилъ старшій братъ: ты согласился на жребій, и долженъ ему покориться! иди же, Алеша, а то не хорошо, нечестно!

Пораздумавъ немного, Алеша тихимъ шагомъ отправился на другой конецъ залы, гдѣ вяло собиралась французская армія, и уже стоялъ роковой, какъ онъ, Володя.

— Ну, что же, господа, закричалъ Володя насмѣшливо, — или только намъ двоимъ съ Алешей достались роковые жеребьи! Какіе честные люди будутъ въ русской арміи, прибавилъ онъ съ досадой: все французскіе переметчики!

Дѣлать было нечего, нѣсколько мальчиковъ перешли на его сторону, на сердцѣ у нихъ скребло, имъ крѣпко не хотѣлось быть французами; все неудовольствіе ихъ обратилось на вялаго

семилѣтняго Луи, который, стоя подлѣ нихъ, равнодушно оправлялъ свои манжеты.

— Подведите Луи — Наполеону боеваго коня! закричалъ Володя, указывая на стариковскую трость съ огромнымъ набалдашникомъ. Трое мальчиковъ бросились за нею, и съ хохотомъ усадили Луи верхомъ на палку. Луи, съ лѣнивой важностью, сталъ впереди своихъ и скомандовалъ: allons, courage! Дѣти захохотали.

Въ нашей арміи также толку не было: мальчики, знавшіе подробности Мараѳонской битвы, ничего не знали о Бородинѣ, кромѣ того что наши взяли верхъ.

— Ваше сіятельство, сказалъ Сережа, почтительно обращаясь къ главнокомандующему (Виктору), — извольте припомнить, что на Бородинскомъ полѣ все вниманіе непріятеля было обращено на наше лѣвое крыло, гдѣ батареи наши нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, — его нужно укрепить.

— Очень хорошо, отвѣчалъ маленькій Кутузовъ, — я вамъ поручаю команду лѣваго крыла, и потом тихонько спросилъ: — Сережа, не знаешь ли, гдѣ подъ Бородинымъ стоялъ главнокомандующий?

Сережа не поспѣлъ ответить, какъ уже бой завязался, и вотъ по какому случаю: Миша упрямо стоялъ на томъ, что онъ не хочетъ быть французомъ, что онъ жеребья не вынималъ, что за него выхватилъ его Мизгирь, и что можетъ быть Ермоша на зло ему такъ сдѣлалъ. Дѣти не принимали отговорокъ, и тащили его во французскій станъ, Миша барахтался, толкался, потомъ сталъ хлестать на–право и на–лѣво, при чемъ и его не пощадили.

— Алеша! крикнулъ въ отчаяньи Миша.

Алеша, прозванный за силу свою Алешей Поповичемъ ринулся на выручку двоюроднаго брата, другіе послѣдовали за нимъ, и страшный бой начался не на лѣвомъ, а на правомъ крылѣ. — За Царя, за вѣру, за матушку святую Русь! кричало Наполеоново войско, колотя тѣхъ, отъ кого

отбивался Миша. Сережа со своими бросился въ схватку, также съ крикомъ: — За матушку Русь, за бѣлокаменную Москву, за бѣлаго Царя, императору Александру ура! Свалка сдѣлась общей, одинъ Луи — Наполеонъ безмятежно разъѣзжалъ по опустѣлому концу залы. Дѣти всѣ дрались, крича на одномъ языкѣ одинъ и тотъ же воинственный кличъ: Ура! Ура! Слава! Живіо! Ура!

На эти славянскіе возгласы вышло нісколько взрослыхъ. — Что это у васъ, господа, славянъ что ли Москва встрѣчаетъ? спросили они.

— Нѣтъ, мы играли въ Бородино, отвѣчали запыхавшіяся дѣти.

— Такъ откуда же у васъ взялся сербскій и чешскій кличъ «живіо» и «слава»?

— Это я кричалъ по сербски, сказалъ смуглый мальчикъ: Митя Даничъ, я изъ Славяно–сербскаго уѣзда, куда переселились мои предки, сербы. Милорадовичь и Депрерадовичь были наши, сербы! — Моя бабушка была чехиня, и я

кричалъ: «слава»! сказалъ одинъ изъ младшихъ дѣтей въ разорванной рубашечкѣ, съ расцарапаннымъ лицомъ.

— Ну да, и мы кричали «слава»! Слава кличь не однихъ чеховъ, а всѣхъ славянъ вообще.

— Такъ кто же побѣдилъ? конечно, мы? спросилъ одинъ почтенный старичекъ.

— Мы всѣ побѣдили, закричали дѣти.

— Гдѣ же ваши плѣнные?

— Мы бились не на животъ, а на смерть, пардону не давали, плѣнныхъ у насъ нѣтъ, а убитые вонъ тамъ, сказалъ Алеша, указывая на другой конецъ залы, вонъ они тамъ, гдѣ разъѣзжаетъ Наполеонъ!

— Такъ чтоже, господа, вы не берете въ плѣнъ Наполеона?

— Не надо, равнодушно отвѣтилъ Алеша, — нашъ Наполеонъ бѣжалъ съ поля битвы, такъ и не стоитъ за нимъ гнаться!

— Попросите–ка генерала, сказалъ вполголоса дядя Сережа (Сергѣй Павловичъ), — чтобы онъ вамъ разсказалъ про подлинный Бородинскій бой, въ которомъ онъ былъ дѣятелемъ.

Дѣти обступили высокаго худощаваго старичка, прося разсказать, какъ было дѣло 26 августа 1812 года. Маститый старецъ привѣтливо сѣлъ посреди обступившихъ его дѣтей, и сказалъ:

— Какъ очевидецъ, я не могу до конца разсказать вамъ о Бородинской битвѣ, потому что рано выбылъ изъ строя, но скажу, что предшествовало ей и что послѣдовало за нею.

«Вся наша армія и народъ, не понимая мудро обдуманнаго плана Барклая: беречь до удобнаго случая свою армію, — отступали въ примѣрномъ порядкѣ, шагъ за шагомъ передъ несмѣтнымъ войскомъ Наполеона, но роптали вслухъ, негодуя на главнокомандующаго, и даже обвиняли его въ измѣнѣ. Барклай зналъ это и, глубоко затаивъ горе, шелъ путемъ своего долга, а между тѣмъ, ропотъ въ народѣ усиливался, и уже толковали о необходимости смѣнить главнокомандующаго; армія была мрачна, и не довѣряя вождю своему, перестала привѣтствовать его обычнымъ воинскимъ кличемъ: ура! Къ 17 августа пріѣхалъ въ

армію новый главнокомандующій, любимый народомъ, свѣтлѣйшій Кутузовъ, который, успокоивая всѣхъ, держался однако же Барклаевской мысли, — беречь армию и выжидать подкрѣпленія. Кутузовъ отступалъ передъ непріятелемъ еще девять дней, до самаго Бородинскаго поля. Нетерпѣніе и даже негодованіе арміи было весьма понятно, но на героя Барклая пало оно безвинно: Кутузовъ вынужденъ былъ слѣдовать его же цѣли и продолжать его дѣло.

Дня за два до Бородинской битвы, я и некоторые изъ товарищей, получили письма изъ дому; кому писалъ отецъ, кому мать, кому царапали едва понятныя строки меньшіе братья и сестры; содержаніе родительскихъ писемъ было у всѣхъ одно: молитвы и благословенія матерей, и сильное возбужденіе духа отцами. Мой отецъ писалъ мнѣ: «Саша, помни Бога и долгъ присяги, помни, что за тобой больной отець и сироты сестры, помни что шагъ за шагомъ отстаиваешь насъ, могилу матери и всю святую Русь...» Старичокъ замолчалъ,

опустилъ глаза и вздохнувъ сказалъ съ печальнымъ негодованіемъ: «Вы, дѣти, услышите со временемъ различныя сужденія объ этой великой, роковой порѣ нашего отечества; услышите не только голосъ клеветы враговъ нашихъ, но, къ сожалѣнію, и легкомысленный, бездушный голосъ такихъ земляковъ, которые щеголяютъ порицаніемъ всего, что для насъ честно, доблестно и свято. Неправда, чтобы народъ нашъ, весь сплошною силою своею, не готовился тогда отдать все достояніе и жизнь свою на спасеніе родины; неправда, чтобы въ ту пору нашелся на Руси хотя одинъ уголокъ, гдѣ бы на умѣ и на душѣ было иное. Всѣ мы знали важность своего призванія, каждый дышалъ готовностью помереть, и чувствовалъ я то, что чувствовалъ каждый изъ насъ; мы какъ одинъ человѣкъ стояли передъ Богомъ и ждали славной смерти, или побѣды въ неравномъ бою.

«Густой утренній туманъ скрывалъ еще отъ насъ непріятеля, мы ждали солнца. Наконецъ оно взошло, туманъ сталъ

рѣдѣть, мы глянули на враговъ: тамъ уже шевелились войска; съ подавленнымъ нетерпѣніемъ мы уже давно ждали этой минуты. «Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое!» раздалось посреди насъ; обернувшись, я увидалъ нашего сѣдовласаго полковаго священника, который, горя общимъ настроенімъ, высоко поднявъ крестъ, осѣнилъ насъ, призывая на насъ благословеніе Вышняго; потомъ, обратясь къ непріятельскому стану, запѣлъ звучнымъ голосомъ: «Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его!» Всѣ мы, начиная отъ духовника своего, до послѣдняго рядоваго, дышали и жили день этотъ какою–то небывалой жизнію. Аттака началась на правое наше крыло, но вскорѣ страшная пальба на лѣвомъ показала, что непріятель напираетъ на него; влѣвѣ все покрылось густымъ дымомъ; тамъ командовали дивизіонные: Невѣровскій, Горчаковъ и Воронцовъ; укрѣпленія наши переходили изъ рукъ въ руки, всѣ начальствующіе были ранены или перебиты. Неустрашимый, любимый войсками

Багратіонъ, командующій второй арміей, лично повелъ войска на враговъ, но его вынесли изъ строя смертельно раненаго; отчаянье овладѣло солдатами, они, тѣснясь за любимцемъ своимъ, смѣшались и разстроились. На мѣсто Багратіона, командующимъ 2–й арміи назначенъ храбрый Дохтуровъ. Нашъ военный министръ Барклай бросался въ самыя опасныя мѣста и лично водилъ полки на приступъ: говорятъ, подъ нимъ убито поочередно пять лошадей, ранены и перебиты всѣ ординарцы и адъютанты его, а онъ неустрашимый, спокойный носился передъ нашими рядами, то посылая подкрѣпленія, то самъ ведя ихъ въ атаку. Какъ теперь вижу его въ клубахъ чернаго дыма, носящагося на бѣломъ конѣ! «Ура!» сердечно крикнулъ я, когда онъ подскакалъ къ намъ; признаюсь, въ раздумьи сказалъ старичокъ, и до сихъ поръ не знаю, я ли первый крикнулъ ему это «ура,» или только первый подумалъ объ немъ, но передо мной и за мной раздалось потрясающее «ура,» что въ разныхъ мѣстахъ, какъ послѣ

сказывали, крикъ этотъ пришелся кстати нашимъ измемогающимъ воинамъ. Храбрый молодой генералъ Ермоловъ послалъ меня съ приказаніемъ, котораго я не довезъ, потому что на дорогѣ оконтузило какое–то шальное ядро; вѣрный конь вынесъ меня съ поля битвы, ратники положили съ ранеными, а часовъ около шести я очнулся. — Что наши? было первое мое слово — Слава Богу, держатся, отвѣчалъ суетившійся фельдшеръ: а ужь что раненыхъ, да убитыхъ, такъ видимо не видимо!

«Послѣ Бородинской битвы, нашей 2–й арміи, какъ не бывало; остатки ея соединили съ первою. Свѣтлѣйшій Кутузовъ хотѣлъ на слѣдующій день дать сраженье, и Ермоловъ разсказывалъ, съ какимъ восторгомъ принимали войска его адъютанта, посланнаго съ этою вѣстью; но когда главнокомандующій ночью получилъ донесенія о числѣ выбывшихъ изъ строя, то онъ ужаснулся и отмѣнилъ свое приказаніе; идти было не съ чѣмъ, половина арміи легла на мѣстѣ. 27 августа, ни мы, ни враги

наши не могли завязать дѣла, и потому мы безъ помѣхи отступили по можайской дорогѣ къ Москвѣ; непріятель шелъ по пятамъ; по всему пути отступленія, не нашлось ни одного удобнаго мѣста для сраженія. Наконецъ 1–го сентября, все войско собралось подъ Москвой, у деревни Фили, на Поклонной горѣ. Вы знаете, дѣти, Поклонную гору, за Дорогомиловской заставой? спросилъ генералъ у своихъ внимательныхъ слушателей.

— Да, да, знаемъ! отвечали одни, другіе же сказали, что не знаютъ.

— Какъ же не знать вамъ, русскимъ, да еще, пожалуй, москвичамъ, Поклонной горы нашей! замѣтилъ генералъ; потомъ продолжалъ: — Поклонныхъ горъ у насъ на Руси много, это вообще подгородная гора или взлобокъ, съ котораго путнику открывается городъ, гдѣ онъ останавливается и крестится на церкви, кланяется городу и святынѣ его. Итакъ, у нашей московской Поклонной горы собралось войско. Фельдмаршалъ приказалъ строить укрѣпленія по рѣчкѣ

Карповкѣ и на Воробьевыхъ горахъ; въ лѣсу же на лѣвой рукѣ отъ Москвы, по Дорогомиловской дорогѣ, велѣть разставить егерей—застрѣльщиковъ. Съ Поклонной горы открылась бѣлокаменная Москва, сіяющая крестами и позолоченными верхами древнихъ церквей нашихъ. Большая часть изъ насъ впервые увидали ее, и съ радостнымъ трепетомъ привѣтствовали, съ оружіемъ и знаменами въ рукахъ; намъ казалось, что мы уже у цѣли, что здѣсь подъ Москвой ляжемъ сами и положимъ враговъ своихъ, а она останется неприкосновенною. Всѣ принялись съ напряженными силами за работу: что–то глубокое, внутреннее горѣло въ насъ, то было чувство любви и долга, а слава и на умъ не шла. Кажется, не было такого отчаяннаго подвига, на который не решился бы послѣдній изъ насъ, кто съ восторгомъ, кто сумрачно и спокойно, по сознанію долга. И какіе люди, какіе вожди были тогда! Кутузовъ, Барклай, Багратіонъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, Милорадовичь, Ермоловъ, Паскевичь! но что пересчитывать

ихъ; — они всѣ стоятъ въ памяти исторіи. — Ляжемъ подъ Москвой, а не дадимъ ее врагу, сказалъ Кутузовъ, покидая Бородино; но на всемъ протяженіи, отъ побоища Бородинскаго до Москвы, не нашлось удобнаго мѣста, чтобы дать сраженіе, и даже то, на которомъ теперь укрѣплялись, было сомнительно; главнокомандующій задумался, и созвалъ военный совѣтъ. Уже стемнѣло, когда вожди наши стали съѣзжаться къ избѣ, которую занималъ фельдмаршалъ; одни входили молча и задумчиво на высокое крылечко новенькой избы, которая на годахъ только сгорѣла, а дотолѣ еще стояла на пути, въ память потомству; самая жъ деревня Фили, нынѣ село, перенесена на версту далѣе отъ дороги, въ Москвѣ–рѣкѣ. Одни изъ приглашенныхъ шли ближе, углубясь въ себя, другіе, быстро раскланиваясь другъ съ другомъ, горячась поминали московскаго губернатора Растопчина, который пріѣхалъ въ лагерь и съ глазу на глазъ бесѣдовалъ съ фельдмаршаломъ; нѣкоторые изъ насъ

видѣли, какъ военный министръ графъ Барклай долго и озабоченно толковалъ что–то съ молодымъ генераломъ Ермоловымъ, и наконецъ послалъ его къ главнокомандующему; зная трудныя обстоятельства наши, мы смутно чего–то боялись. Глаза и чувства наши были устремлены на избу, гдѣ собрался военный совѣтъ. Послѣ долгаго ожиданья, дверь быстро распахнулась, показались наши вожди, кто–то изъ нихъ крикнулъ раздирающимъ голосомъ: «Въ десять часовъ отступаем!...» Со всѣхъ сторонъ раздался отчаянный крикъ; не помня себя, я бросился бѣжать изъ селенья, остановился на горѣ и взглянулъ на Москву, гдѣ мирно свѣтились огоньки; я кинулся на землю и громко зарыдалъ, мнѣ казалось, что всѣ кругомъ рыдали. Вдругъ я почувствовалъ у себя на плечѣ чью–то твердую руку: глянувъ вверхъ, я увидалъ надъ собою высокаго человѣка съ блѣднымъ, спокойнымъ лицомъ: — «Молодой человѣкъ, сказалъ онъ тихо, но внятно: — не въ одной горячей храбрости

воинская доблесть, на воинѣ лежатъ и другія обязанности: покорность волѣ Божьей, довѣренность начальству и добрый примѣръ солдатамъ.» Сказавъ это онъ, дружески, крѣпко сжалъ мнѣ плечо. Взглянувъ пристальнѣе, я замѣтилъ, что по строгому блѣдному лицу скатились двѣ крупныя слезы. Слезы эти канули мнѣ въ душу, я вскочилъ, хотѣлъ сказать, что свято исполню его наказъ, но онъ уже быстро удалялся своею звонкой поступью; я видѣль, какъ разъ — другой, мелькнулъ у костровъ осанистый очеркъ его, какъ развѣвался и гнуло въ сторону бѣлый султанъ, какъ темныя тѣни почтительно разступались передъ нимъ, наконецъ и со всѣмъ потерялъ его изъ вида. Но доброе слово его не пропало, я собрался съ духомъ и сталъ съ другими готовиться къ отступленію.

Всѣ дѣти были увлечены разсказомъ генерала, а Алеша, не утерпѣвъ, бросился къ нему, крѣпко обнялъ и горячо поцѣловалъ его; занимъ полѣзъ Миша, а затѣмъ и всѣ дѣти, тѣсно окружа, на–

перерывъ обнимали старичка, который улыбаясь смотрѣлъ влажными глазами на мальчиковъ, на будущихъ сыновъ Россіи.

— Ну, а потомъ что было? нетерпѣливо спрашивали дѣти.

— Потомъ мы вошли въ Москву; ночь была темная; освѣщенныя церкви стояли настежь; жители, узнавъ о сдачѣ столицы, бѣжали въ храмы, ища тамъ заступничества; большая же часть, спешно собравшись, бѣжала съ плачемъ по улицамъ; они толпились, попадали въ наши ряды, которые разступались для нихъ, и многіе солдаты сами помогали бѣгущимъ нести дѣтей и разслабленныхъ. Греки прославили Энея за то, что онъ вынесъ на плечахъ изъ Трои отца своего, наши же солдаты, утомленные въ тяжеломъ вооруженіи своемъ переходами, помогали нести чужихъ отцовъ и дѣтей, не признавая въ этомъ дѣлѣ ни подвига, ни великодушія. По улицамъ и переулкамъ слышались плачъ, стоны и причитанья, вездѣ примыкали къ намъ жители; наше отступленіе походило на какое–то огромное

погребальное шествіе, и въ самомъ дѣлѣ не хоронило ли русское войско свою старую мать, свою Москву? Всю ночь войска проходили черезъ столицу, шли двумя колоннами, одна черезъ Дорогомиловскую заставу, другая по Замоскворѣчью; обѣ направлялись къ Рязанской заставѣ. Наполеоновы войска вошли въ Москву по пятамъ нашего аріергарда; Милорадовичь послалъ сказать французскому генералу Себастіани, что если онъ не умѣритъ своего нетерпѣнія и не перестанетъ напирать на насъ, то русскіе не выйдутъ изъ Москвы, а зажгутъ ее и похоронятъ въ ней себя и ихъ. Въ то время, какъ наши войска, искусно соединяясь, быстро отступали, на Поклонной горѣ собрались около Наполеона маршалы, и онъ, гордо и радостно озираясь, сказалъ: — «Такъ вотъ она, знаменитая Москва, а гдѣ же бояре, приведите ихъ ко мнѣ!» Окружающіе поскакали въ Москву за боярами, но вскоре вернувшись, въ смущеніи доложили Наполеону, что ни бояръ, ни начальства въ столицѣ нѣтъ, и Москва пуста. — Варвары!

сердито вскричалъ Наполеонъ, и поѣхалъ въ опустѣлый городъ. Какъ понравился ему нашъ Кремль и царскія палаты, не знаю, а жилъ онъ тамъ посреди взрывовъ и пожаровъ, ожидая переговоровъ о мирѣ, но на его слова: «война кончена», императоръ Александръ отвѣчалъ: «война только–что начинается!» Наполеонъ почуялъ недоброе. Отъ частыхъ взрывовъ и пожаровъ онъ бѣжалъ въ красный Петровскій дворецъ, окруженный большимъ садомъ, который теперь зовутъ Петровскимъ паркомъ, оттуда сумрачно глядѣлъ онъ на пылающую Москву и приговаривалъ: — «Варвары, настоящіе варвары, и войны правильно вести не умѣютъ!» А мы, дѣти, мы слышали первые взрывы въ Москвѣ, и сердце радостно отвѣчало имъ, мы ликовали, видя ежедневно зарево ея! Но быть можетъ вы и о пожарѣ Москвы услышите, что ее сожгли французы; или вамъ скажутъ, что она сгорѣла сама собой, случайно, что этому виноваты обстоятельства; есть люди, которые дѣла Божьи приписываютъ природѣ, а подвиги людей слѣпому случаю!

Неслучайно Ростопчинъ вывезъ изъ Москвы всю пожарную команду, неслучайно приказано было на чердакахъ въ разныхъ мѣстахъ столицы, сваливать въ кучи ветошь, хламъ и горючія вещества, не случайно–же розданы были пожарной командѣ фитили для поджогу; я самъ съ десятками товарищей видѣлъ 3–го сентября частнаго пристава, пріѣхавшаго къ намъ въ армію, которая отдыхала въ 15 верстахъ отъ Москвы: мы окружили, спрашивали его о занятіи столицы, о взрывахъ, о пожарѣ, и онъ разсказалъ намъ то, что я передаю вамъ теперь; онъ же, доставь изъ кармана обожженый фитиль, сказалъ, что этимъ фитилемъ онъ самъ поджигалъ дома своего участка!

— А послѣ, а послѣ что? допрашивали дѣти.

— Многое было послѣ, сказалъ улыбнувшись старецъ. — Наполеонъ, не дождавшись желаемыхъ мирныхъ переговоровъ, бѣжалъ изъ Москвы, войско его гибло отъ голода и холода, мы же, сытые и одѣтые, гнали ихъ изъ своей земли

за свои границы, и гнали до самой Франціи, до столицы ся; тамъ насъ повсюду встрѣчали какъ друзей–избавителей, намъ пѣли похвальныя пѣсни, сочиняли торжественные марши, и на улицахъ и въ театрахъ кричали: «да здравствуютъ Русскіе, освободители Европы!» Пѣвцы нѣмецкіе пѣли о пожарѣ Москвы, сравнивали ее съ самосожженіемъ Феникса; даже французы радостно привѣтствовали насъ, и переложили на Александра гимнъ, сочиненный въ славу ихъ любимаго короля Генриха IV.

— Ахъ, какъ вамъ было весело! завистливо сказали дѣти. —Какіе вы счастливые, какія громкія дѣла достались на вашу долю! сказалъ Володя.

— На твою долю достанется дѣло не менѣе важное, сказалъ генералъ, поднимаясь со стула. — Да, дѣти, ваша пора другая, вамъ придется трудиться для внутренняго устройства родной земли; не кровь свою, а трудъ всей жизни принесете ей, и этотъ постоянный даръ едва–ли не дороже скоро–проходящаго подвига.

Старшіе и болѣе развитые мальчики призадумались на эту рѣчь; меньшіе теребили ихъ, допытываясь, что сказалъ генералъ и за что онъ ихъ всѣхъ похвалилъ.

Сережа такъ растолковалъ дѣло Мишѣ: — Генералъ сказалъ: не все же воевать, есть дѣло и кромѣ войны, дѣтямъ надо хорошенько учиться, а потомъ опредѣлиться на службу и служить по правдѣ, честно, по закону, какъ велитъ царь, и служить такъ изо–дня въ день; а кто такъ служить станетъ до старости, тотъ, сказалъ старый генералъ, стоитъ похвалы.

— Хорошо, сказалъ Миша, — я буду трудиться; а ужь когда будетъ война, такъ я непремѣнно пойду на войну. Большая–же часть дѣтей, окруживъ Володю, слушала какъ онъ, припоминая стихи Пушкина «*Полководецъ*», говорилъ:

У Русского царя въ чертогахъ есть палата.

Она не бархатомъ богата.

. . . . . .

Но сверху до низу во всю длину. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Все лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальников народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу.
И мнится, слышу ихъ воинственные клики.

. . . . . .

. . . . . .

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. . .
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и мнится залегла

Тамъ грусть великая, кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ.
. . . . . .
. . . . . .
О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взора черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобой,
Ругался надъ твоей священной сѣдиной!
. . . . . .
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;

И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть и замыселъ обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко. . .

— Что–же, господа, лѣниво спросилъ Луи, — война кончена что–ли?

— Кончена! кончена! со смѣхомъ закричали дѣти, а Володя прибавилъ: — отведи–ка, братъ, своего коня–сподвижника въ конюшню, да и самъ ложись отдыхать подъ лавры!

— Гдѣ? тупо спросилъ Луи.

— Подъ лавры, насмѣшливо повторилъ Володя, указывая на какое–то колючее широколиственное растеніе.

Подумавъ немного, Луи тихонько отъѣхалъ на своей палочкѣ, и поставилъ ее въ уголъ; болѣе же онъ ничего не понялъ, и не зная чѣмъ заняться, усѣлся зѣвая въ глубокое стариковское кресло.

Другія дѣти все еще были подъ вліяніемъ разумной бесѣды; они толковали

о славѣ дѣдовъ, имъ хотѣлось такихъ–же подвиговъ. Мизгирю нравился генеральскій чинъ и большое жалованье, но послѣднее слово старца мѣтко попало въ болѣе развитыхъ дѣтей, которыя еще долго послѣ Викторовыхъ имянинъ, сходясь другъ съ другомъ, толковали о томъ, какая дѣятельность полезнѣе и кто чему себя обрекаетъ.

ПРИВЕРЕДНИЦА.

Жили были мужъ да жена, — дѣтей у нихъ было всего двое, — дочка Малашечка, да сынокъ Ивашечка. Малашечкѣ было годковъ десятокъ или поболѣ, а Ивашечкѣ всего пошелъ третій. Отецъ и мать въ дѣтяхъ души не чаяли, и такъ ихъ избаловали, что и Боже упаси! Коли дочери что наказать надо, то они приказываютъ, — тамъ просятъ, а потомъ ублажать начнутъ. — «Мы–де тебѣ и того дадимъ, и другаго добудемъ!» А ужь какъ Малашечка исприверединчалась, такъ такой другой, не то что на селѣ, а чай и въ городѣ не было!